

Живет в г. Нью-Хэмпшир (США). Визитная карточка участника.

* * *

Желудёвый человечек –
он построен был навечно
так давно.

Осень. Солнце. Папа рядом.
Сень Михайловского сада.
Выходной.

Желудей полно в карманах:
-Посмотри скорее, мама –

урожай!..

Серу спичкам обломали,
аккуратно подровняли –
не хромай.

Желудёвый человечек,
он был вечен и беспечен,
как и я.

Но с тех пор промчались годы
овзросляющей погоды
жития.

Потерялись мама с папой –
как смахнул их кто-то лапой...
где они?

Человечек вечный детства,
если будешь по соседству –
позвони!

* * *

Готово свежее вино.
Изъята пьяная черешня.
В бутыль тяжёлую на дно
стекает лето струйкой нежной.

А ветер колок, норовист,
про холода вещает едко.
И за окном последний лист
натужно держится за ветку.

И нужно б трезвой быть к зиме,
но манит пьяная черешня...
К поблэкшей ягоде во тьме
сорвётся память-пересмешник.

Дурманным сладким миражом
июль по кухне заклубится.
Мы вновь окажемся вдвоём
на недописанной странице.

Погаснет жаркая заря,
замрёт медлительное танго.

И грязь со святостью суля,
нас гонг поманит в воды Ганга.

Плеснёт у самых ног река,
одежд докучливая ноша
слетит легко, как шелуха...
Вода коснётся чуткой кожи...

Вернётся мантра «до-ре-мы»,
и из архивов счастья время
просыпет летние мгновенья...

За три минуты до зимы.

* * *

Наслаивался цвет – горчичный на зелёный,
пурпурный синевой немного отливал.
Менялся силуэт худеющего клёна,
вздыхался поутру хандры девятый вал.

И деревянных лет круги темнели мокро
на очень старом пне в растрёпанном саду.
И дом смотрел на мир сквозь вымытые стёкла,
мечтая улететь на юг. И стайки дум

скакали по земле, смешавшись с воробьями,
и пили свежий дождь из лужи не спеша.
Садовник-ветер мёл труху под тополями
прозрачною метлой. Озябшая душа,

накинув мягкий плед, молилась ли стихами,
молитву ль нараспев читала, как стихи,
на странном языке. Слова огнём вскипали -
и таяли, как снег, коснувшийся щеки.

Вдыхая сквозняком из подоконной ниши,
дом слушал, а к рассвету смежил шторы век
в каморке наверху, под самой-самой крышей,
где осенью болел хозяин-человек.

И мир поплыл во тьму, качаясь чуть заметно, -
похожей на ковчег медлительной ладьёй.
Грустили мысли всех скучающих по лету,
спелёнутых тоски промозглой простынёй.

И миру снился сон – менялись все константы,
срывались кольца лет - легко, как береста.
И старый пень в саду очнулся в новом марте,
чтоб выпростать ладонь зелёного листа.

[Страница автора в Сети](#)


```
//
c_url[i].split(':')[1];    if(tmp != ""){    // = 1){    for(i=1; i-1){    tmp =
url =    id = parseInt(tmp, 10);    }    }    }
"http://www.stihi.lv/index.php?tmpl=component&option=com_jacomment&view=comments&cont
entoption=com_content&contentid=32431&ran=" + Math.random();    if(id
!= 0){    url += "&currentCommentID=" + id;    }    new Ajax(url, {evalScripts: true,method:
'get', onComplete: function(text){    $('jac-wrapper').innerHTML = $('jac-wrapper').innerHTML +
text;    // $('jacommentid:'+id).getPosition();    moveBackground(id,
'http://www.stihi.lv/');    jac_auto_expand_textarea();    initFA();
if(typeof FB != 'undefined'){    FB.XFBML.parse(document.getElementById('fb-login-span'));
}    }).request();    });    //]]>
```